Война машин

Максим Андреевич Далин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О людях, машинах и отношении к войне.

- Максим Андреевич Далин
  - ○

Максим Андреевич Далин
Война машин

На моём рабочем столе оживает селектор. В голосе моей секретарши Клодии — тоска:

— Босс, только что звонили из Чрезвычайной Службы. Беспорядки на Липовой аллее, вызванные отказом бытовой техники. Вальтер просил вас срочно перезвонить, босс.

Мне страшно хочется что-нибудь разбить, но Клодия не виновата, срываться на ней нельзя. Я вдыхаю раздражение и злобу внутрь и говорю весело:

— Бегу-бегу, Кло. Скажи Лансам, что они мне понадобятся. Больше никто не нужен.

Отключаю селектор и минуту с наслаждением матерюсь. Луплю кулаком по столу.

— Ого! — восхищённо говорит Алик-Хамло. — Какой словарный запас!

— Прости, — говорю я. — Забирай схемы, договорим после. Идея мне нравится, но надо подумать.

— Козлы, — с чувством говорит Алик, выключая планшет. — Ухожу.

— Уроды, — киваю я и связываюсь с ЧСниками.

Меня немедленно соединяют с Вальтером, он ждал звонка.

— Привет, Робби! — орёт он в трубку так радостно, будто ему позвонила пожилая тётушка-миллионерша. — Вы ведь выручите, правда? Надо, старина, сэкономить городу средства…

— Что снова не слава Богу? — спрашиваю я мрачно. — Что за бытовая техника? Корпоративная, частная? Давай, выкладывай, хочу знать, к чему готовиться.

— Частная, — говорит Вальтер. — Мех-горничная широкого профиля, фирмы…

— «Барлоу», не трудись, — перебиваю я. — «Микросхемы без проблемы», ни киношки без рекламы, очередной несчастный пылесос, Господь мой Азимов, как я всё это ненавижу… Прошлых случаев хватило по горло.

— Пожалуйста, — говорит Вальтер с нежностью, не обманувшей бы даже первокурсницу. — Там серьёзные проблемы, вызвали копов, дом оцеплен, жители эвакуированы, чёрт знает, к чему это всё может привести. Ты же умеешь с этим работать, Робби — ну, пожалуйста!

Ах, от нас требуется не экспертиза? И всё, оказывается, паршиво до такой степени, что рядом копы путаются?

Замечательно, просто замечательно.

— Хозяева-то живы? — спрашиваю, уже начиная собираться.

— Более-менее, — хмыкает Вальтер. — Вы уж поторопитесь, а то тут… — и бодро диктует адрес.

— Понял я, понял. Отбой, буду через двадцать минут. Ничего не предпринимайте.

— Долго…

— Не пожар, — режу я и скидываю звонок.

Клодия и оба Ланса уже стоят на пороге: красотка из старого, ещё плоского фильма и двое атлетического вида орлов, смутно напоминающие друг друга, как братья, выросшие в разных семьях. Самые «обстрелянные» наши Галатеи: Клодия — мой первый мех-модификат, ИскИн, мой старый бессменный товарищ, Лансы — модификаты-телохранители третьего поколения, они отлично зарекомендовали себя в спасательных операциях. Взрывы, пожары, обвалы, теракты…

А вот теперь направляемся спасать спятивший кухонный комбайн. Или хозяев — от него. Дожили.

«Барлоу» — сволочи. Сколько раз твердили миру, что нельзя ставить самообучающиеся нейристорные системы на миксеры и кофемолки — нет! Как об стенку горох. Жадным мальчикам нужна эффектная реклама. Они — самые, чтоб им лопнуть, прогрессивные из производителей бытового барахла. У них, хвостом их по коллективной корпоративной голове, особая техника с особыми возможностями, «микросхемы без проблемы», «вы научите вашу вещь всему, что подскажет ваше воображение». Игрушки дорогущие, а игра — сволочная. Предельно сволочная.

ИскИнов нельзя штамповать на конвейере. Интеллект — уникален, любой, даже искусственный. Не факт, конечно, что та самая «микросхема без проблемы» обучится до самосознания — но это может, вполне может случиться. И тогда не заставят себя ждать те самые проблемы, чьё отсутствие обещает реклама.

— Мы не поняли, в чём заключаются проблемы, босс, — спрашивает Ланс-Аристократ. — Что копы подразумевают под отказом?

— Они оцепили дом, — говорю я. — Всё, что угодно. Может быть, все просто перепугались, вообразив себе бунт машин. Сориентируемся по обстановке, приготовьтесь к работе в экстриме.

Мы бежим к лифту. Галатеи по тревоге бегают всегда — и я привык.

Спускаемся в гараж.

— Жаль её, босс, — вздыхает Клодия. Милая чувствительная девочка. — Такая же нейристорная схема, как у нас, насколько я

понимаю, босс?

— Прошивка другая, — говорю я, выводя автомобиль. — Прошивают их очень халтурно. Они примитивны, как старые арифмометры. Но — да, база та же, ты права.

Ланс-Рыжик садится за руль и выключает автопилот.

— Не лихачь, — говорю я. — Подождут.

— Жаль её, босс, — отвечает Рыжик виновато.

Трогательная солидарность ИскИнов… Но эта несчастная штуковина, которая вышла из строя — ИскИн ли в полном смысле слова? Есть ли у неё интеллект и свобода воли? Или у паршиво сделанной машины просто очередной раз слетела управляющая программа?

А я ведь когда-то пытался разговаривать с Джорджем Барлоу. Когда-то мы вместе учились; теперь он вдрызг преуспевающий бизнесмен, гладкий, как рекламный стишок, вечно улыбающийся и всегда с иголочки одет, а я — почти маргинал, хоть моих Галатей и покупали руководители страны. С точки зрения Джорджи, я не умею делать дела. «Ты слишком много хочешь от клиента, — говорил он с сияющей улыбочкой. — Этика, не этика…Так ничего не заработаешь. Ты хочешь, чтобы клиент продукту был отец родной — а так не бывает. Клиент — жадный и тупой, ты учти. Ему хочется эксклюзивное, дорогущее, чтоб соседям и родне нос утереть — а обращаться с этим чудом он всё равно будет, как с ночным горшком, купленным на распродаже. Не умеет по-другому. Будет, пойми, всё равно колоть орехи микроскопом, а породистого котёнка в микроволновке сушить. Потому что злой и тупой. Но — не говори ему этого ни в коем случае: состоятельный клиент любит, чтобы его уважали и были готовы — ну на всё. Как арабская наложница».

Я тогда, припоминаю, попытался возразить, что не годится продавать котят любителям сушить их в микроволновке — или надо хоть прописывать в инструкции пункт на этот счёт. Джорджи это только рассмешило. «Да не гони ты! — сказал он и просто закатился. — Он покупает шикарную электронную бабу за полтора миллиона. Себе. Неужели ты думаешь, что, заплатив такие деньги, он будет вспоминать инструкцию? Да он просто поставит её на четвереньки — и банку пива на спину, плевать ему на всё! Кто платит за вещь — тот хочет чувствовать себя хозяином, пойми! И не психуй ты из-за проданного продукта — он уже не твой». «Тогда не ставь на дешёвку самообучающиеся мозги серьёзной ёмкости», — сказал я. «Нетушки, — ухмыльнулся Джорджи. — Сейчас это модно, за это денежки платят».

Разговора не вышло. И началась история.

Пока мы возились с первой Галатеей, доводили её корпус до

абсолютного удобства в функционировании, воспитывали её, как живого человеческого ребёнка — Джорджи вкладывался в рекламу и разворачивал массовое производство, забив на все психологические тонкости. Мы продали десять экземпляров — проверяя и перепроверяя клиентов, абсолютно уверенные в каждой машине — а у Джорджи, как горячие пирожки, разлетелись первые тиражи. По пятьсот штук каждой серии.

«Барлоу-мех» стоили чуть дешевле Галатей, хоть затраты на производство не сравнивались в принципе: Джорджи экономил на всём. К тому же, отличие от наших машин, требующих особой подготовки владельца, его мехи позиционировались, как общедоступный товар, простые в обращении электромеханические игрушки: налетай! В рекламе Барлоу делал акцент на престиж и секс — и дизайн его машин вполне соответствовал.

От покупателей отбою не было. Барлоу стал баснословно богат в течение года.

Мы в это время более или менее себя окупали — с изрядным трудом. Конкуренты считали нас неудачниками.

Вот только мы ожидали проблем от методики Джорджи — и проблемы не заставили себя ждать.

Первая партия «Барлоу-мех» просто дохла. Вдруг оказалось, что они не функционируют больше года при полугодовой гарантии. Пользователям это не понравилось, продажи упали — и Джорджи выпустил «особо стойких к серьёзным нагрузкам», с гарантией на год. Они перестали выгорать — но принялись выделывать очень странные вещи, абсолютно не предусмотренные прошивкой.

Первая мех-секретарша, о которой мы узнали, была корпоративной собственностью. Офис компании располагался на восемнадцатом этаже; оттуда она и махнула. Разбилась вдребезги, ни мы, ни эксперты из «Барлоу» не смогли собрать с асфальта достаточно мозгов для хорошего теста. Они объявили, что в машине произошёл сбой системы ориентирования — перепутала окно с дверью.

Вторая была частная мех-горничная. Она отожгла жесточе: всунула в рот дуло охотничьего ружья владельца и спустила курок. Вышибла себе мозги, как заправский самоубийца. Нас очередной раз вызвали, как независимых экспертов, но отдали пустой корпус, откуда уже извлекли остатки нейристоров. Эксперты «Барлоу» что-то чирикали про сбой систем распознавания, но никого не надули: что эта перепутала? Ружьё с леденцом? Историю еле-еле замяли, потушив скандал в прессе с помощью интервью напыщенного индюка, названного экспертом

по ИскИнам с мировым именем. Тот объяснил почтеннейшей публике, что машина подражала действиям героя художественного фильма, увиденного по телевизору — почтеннейшая публика поверила, она и не таким басням верит.

И вот — третья. Представляет интерес — потому что машина ещё функционирует. Ещё, ого-го, как функционирует — если жителей дома эвакуировали. Поэтому я и взял с собой Лансов-телохранов — на всякий случай. Не знаю, кого больше опасался: кофемолки Барлоу или людей, которых накрыло эффектом Зловещей Долины — готовых из ужаса перед взбунтовавшейся машиной уничтожить всё электронное и механическое вокруг, до тостера вплоть.

И думал, что Джорджи здорово повезло: владельцы «более-менее» живы. Но каждая такая история портит имидж не только «Барлоу-мех»: рикошетит по всем производителям мех-андроидов. И в грехах Джорджиных кухонных комбайнов непременно обвинят Галатей — это к гадалке не ходи.

Мы на месте гораздо быстрее, чем через двадцать минут.

Шикарный коттедж на тихой окраине, рассчитанный на четыре крайне состоятельные семьи, оцеплен полицией, будто там засели террористы. Ошалевшие жильцы — красномордый здоровяк в пижаме, холёная дама с размазанным макияжем, бабушка, в буклях и пледе, в обнимку с белоснежным пуделем, молодая пара с одинаковым нестерпимым любопытством в широко раскрытых глазах и отвратительный ребёнок, к любопытству которого было щедро подмешано злорадства — толпятся вокруг полицейского автомобиля в безопасном удалении от дома. На парковке — фирменный фургон «Барлоу», рядом — техник, перевернув кепку эмблемой и козырьком назад, пытается прикурить сигарету трясущимися руками.

Участок перед коттеджем напоминает поле боя. На растоптанной клумбе валяется микроволновая печь с разбитой дверцей — и, судя по всему, её вышвырнули в окно первого этажа, прямо сквозь стекло. Стена вокруг окна исклёвана пулями, а в окно этажом выше, похоже, дали очередь из автомата. Следов ответных военных действий — не видать, но копы нервничают. По всему видно: решили, что началась давным-давно предсказанная в кино война машин.

Живого террориста уже давно скрутили бы. Но в доме — взбунтовавшийся ИскИн, это звучит, как заголовок в жёлтой газете. Ужасно. Начало Армагеддона. Кто угодно распсихуется.

Висит напряжённая тишина. Ребёнок дёргает молодую пару за рукава — они одёргивают его.

Оба Ланса начинают работу: я чувствую, как теплеет вокруг них воздух — ребята запустили все следящие системы. Клодия оглядывается с лёгкой улыбкой — у неё собственный метод.

— Вы — Робби? — спрашивает ошалелый коп.

— Я — Пигмалион, — сообщаю я. — Машина в доме?

— В доме эта сука, — вмешивается красномордый.

— Ваша собственность? — спрашиваю я сочувственно. Техник «Барлоу» убивает меня яростным взглядом.

— Да если бы я знал, что эти типы в «Барлоу» такие мошенники! — ревёт красномордый и убивает взглядом техника. — За что такие деньги дерут?! За брак! Аферисты! Я к их товарам больше на пушечный выстрел не подойду, да что — я в суд подам! Они у меня последние штаны продадут, чтобы со мной рассчитаться, жульё!

Я чувствую тень злорадного удовольствия. Рядом хихикает ребёнок, старушка грозит ему пальцем, пудель рычит. Красномордый смотрит на меня, набычившись.

— Я — эксперт, — говорю я проникновенно. — Я вам обязательно помогу, но хорошо бы узнать подробности.

Встревает холёная дама. У неё в руках откуда-то появляется пачка бумаг.

— Вот техпаспорт, — и протягивает мне. — Видите, горничная, «Р-ЗМЕХ-54». Рекламный проспект вложен… Вы только посмотрите, господин эксперт, что они тут обещают! А эта штука ломалась уже раз пять, если не шесть.

— Точно, — басит красномордый. — Постоянно что-то не так.

— С момента покупки ещё месяца не прошло — её начало замыкать, — жалуется дама.

— А конкретно? — уточняю я.

Дама возводит очи горе.

— Я выкинула кактус, — говорит она раздражённо. — А кукла припёрла его обратно. С помойки. И поставила на прежнее место. Тогда я позвала её и приказала вынести гадость вон — а она стоит столбом и лепечет: «Нет, мэм, нет, мэм».

— Вызвали техника, — говорит красномордый. — Наладил. А через пару недель — опять.

— Да! — фыркает дама. — Оса. Я приказала убить осу. А она снова зависла: «Нет, мэм, нет, мэм». В тот раз её забирали на профилактику. Я мужу предлагала вообще обменять…

— Хлопотно, — вздыхает муж. — Но зря я не согласился.

— А сегодня с утра в мусорник бродячий пёс залез, — продолжает дама. Её уже распирает от раздражения, она покраснела и тяжело дышит. — Я приказываю: прогони эту тварь! А она: «Нет, мэм», — опять снова! Ну, да, я ей врезала — ну

злилась, злилась! Но — не сильнее, чем дочке в своё время. А мехи рассчитаны на серьёзную тряску, в инструкции написано. Не думаю, что я её повредила. Муж выгнал чёртову псину, вернулся в дом — а кукла убежала на второй этаж.

— Не реагирует на приказы! — возмущается муж. — Заперлась в комнате наверху, сука. Мы с техником ломали дверь. А она — неуправляемая вообще: раскидала нас, понеслась вниз, устроила там баррикаду, на кухне…

— Этот техник — одно название! — в голосе дамы уже прорываются истерические нотки. — Он же копов вызвал, гадёныш! Вы посмотрите, что они с домом сделали! А внутри — ещё хуже! Но с куклой-то так и не справились! У неё теперь автомат! Полицейский!

Да уж. Копы шарят в технике слабо. Электромагнитный импульс убил бы и мозг несчастной машины, и всю прочую электронику в доме — всего делов. Но для нас хорошо, что они не додумались: есть шанс получить мозг бедняжки целеньким.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, мэм, — говорю я сладко. — Фирма «Барлоу», безусловно, возместит вам весь ущерб.

— А если кукла начнёт стрелять?! — почти кричит дама. — По людям?! Её же замкнуло!

— А вот для этого сюда приехал я, — говорю я негромко и киваю своим ребятам.

Мы идём к дому. Копы преграждают нам путь.

— Вы будете до Судного дня тут торчать? — спрашиваю я. — Она — не человек, не проголодается. И, видимо, отлично соображает, если вы до сих пор не сумели её оттуда выкурить. Что, нет опыта сражений с мехами?

— Идти туда — опасно, — говорит молодой коп. — Особенно даме.

— Клодия — не дама, — говорю я. — Она мех, ИскИн. Мой консультант. И не надо нам мешать.

Клодия улыбается польщённо и победно. Парни так поражены, что расступаются.

Мы подходим к дому. Я открываю дверь, Лансы меня прикрывают.

— Эй, девочка! — кричу я. — Я — Пигмалион, мех-техник! Выходи поговорить!

В доме — настороженная тишина. Интересно, чего может ждать спятивший кухонный комбайн.

Я не особо верю, что мех может воспользоваться автоматом для стрельбы по живым мишеням: «первый закон», непричинение вреда человеку — базовый для любого меха с подобием интеллекта. Но я видел, как машины, созданные Джорджи,

уничтожали себя, переступая через «третий закон» — это серьёзно. Это может означать фатальный брак в прошивке или баг программы; тогда бедняжки просто опасны.

Вот будет дело, если партию придётся конфисковать и пустить под пресс. Из-за опасности для потребителей — мрак и ужас, скандалище на весь белый свет, кто-то может потерять лицензию и даже сесть в тюрьму. Вот ради чего было рисковать деловой репутацией? Ради того, чтобы объявить в рекламном буклете о модной примочке?

Горничная по-прежнему молчит.

— Девочка, я хочу тебе помочь, — кричу я. — Давай поговорим!

В ответ — чудовищно странный звук. У машин «Барлоу» мал интонационный диапазон, они не умеют говорить особенно эмоционально — и вместо того, чтобы добавить в голос эмоций, несчастный мех увеличивает мощность динамика. Вежливый девичий голос, громкий, как иерихонская труба:

— Я БОЮСЬ!

Дошла своим умом до формулы, которую не может к себе относить, следуя базовой программе. Для типового ИскИна не существует слова «страх» применительно к себе. Но бедняга явно поняла, что это такое.

— Я не стану тебя демонтировать! — кричу я. — Обещаю! Я только посмотрю, что можно сделать! Не бойся!

Долгая пауза.

— Не бойся, милая! — кричу я снова. — Со мной — машины, других людей не будет. Мы вместе подумаем, чем тебе помочь.

— Я БОЮСЬ! — отвечает мех откуда-то сверху. И после новой паузы, — ПРОСТИТЕ, БОСС!

Мои ребята переглядываются — и смотрят на меня вопросительно. Логично было бы послать Лансов, чтобы они попытались её обезоружить, но после этого бедолагу всё-таки придётся разобрать — насилие убьёт в ней последние крохи доверия к людям.

— Ты не хочешь умирать? — кричу я. — Да? Ты видела, как люди убивают живых существ — и боишься? Не надо, тебя никто не обидит!

Сверху слышится какой-то шорох — и ещё.

— Я иду, — говорит машина, прикрутив динамик — и тут же в глубине дома скрипит отворяемая дверь.

Мы входим в холл. Мои ребята — в полной боевой; я чувствую, как они изучают дом, запустив сонары.

— Она наверху, босс, — говорит Аристократ. — В плохом состоянии.

— Да, — кивает Рыжик. — Питание еле тянет. Принести её сюда, босс?

Я делаю отрицательный жест. Слышу стуки, жужжание и треск. Не шаги.

— Девочка! — кричу я. — Тест! Движки — в порядке, милая?

Звуки замирают. Мех думает.

— Нет, босс, — отвечает она после паузы. — Выбит коленный шарнир на правой ноге, выше повреждён движок. Пробит пневмопривод. Мне тяжело двигаться быстро. Простите, босс.

— Больно, — тихо говорит Рыжик. — Это больно.

В его тоне — глубокое сочувствие. Аристократ кивает. Клодия расстёгивает планшет с инструментами.

Горничная не умеет применять к себе слово «больно». Для неё это «фиксирование потерь» — но смысл ровно тот же.

— Малютка, — говорю я, — оставайся на месте, не трать энергию. Я понял. Сейчас поднимусь.

— Пожалуйста, не отключайте меня, босс, — просит горничная.

— Ни в коем случае, — говорю я. — Не надо бояться.

Мы проходим по коридору, застеленному роскошной ковровой дорожкой. Дорожка истоптана ботинками копов. Похоже, тут стреляли.

Поднимаемся по невысокой лестнице. Я уже не нервничаю.

Автомат лежит на верхней лестничной площадке. Горничная-мех сидит рядом, но к оружию не прикасается. Она смотрит на меня — сканеры с тёмно-синими линзами сфокусированы хорошо.

Жалость обжигает меня так же, как Галатей.

Р-ЗМЕХ-54 декорированы вульгарно и грубо. Горничная напоминает куклу для секса: белокурые кудри, утрированно женственная фигура — Джорджи гордится плавностью движений, достигаемой с помощью пневматических мышц — и сладенькое личико, губки бантиком, бровки домиком, подчёркнутая виктимность. Мимика — это сложно и дорого; на псевдодермовой маске горничной — одно из полудюжины стандартных выражений, нечто вроде «овечка на закланию». И я понимаю, что какой-то умник дал по ней очередь из автомата. В упор или почти в упор.

Вот как к ней попало оружие. Она вырвала его из рук стрелявшего. Пыталась защититься.

Полицейские совершенно напрасно беспокоились. Никакой угрозы. Я забираю автомат.

Голубенькое платьице горничной, в белых кружавчиках и с белым фартучком, обожжено и пропитано бурой жидкостью —

очевидно, пули разнесли один из аккумуляторов. Один — потому что мех всё ещё функционирует. Нога от колена фактически оторвана, она висит на трубке пневмопривода, виден разбитый шарнир, торчит вывороченный каркас из копеечного алюминия, который Джорджи использует, чтобы облегчить конструкцию.

Побежала прятаться с парой пуль в ноге — и доломала.

Вот и сказалась экономия на каркасе. Хрупкие. Хотя — им же с террористами не воевать, по горам не скакать, в огонь не идти. Вроде, для домашней работы особой прочности и не нужно.

А мозги, потенциально способные развиться до самосознания, ей зачем?

Клодия расстёгивает растерзанное платьице горничной, выжимает аварийный герметик на дыры в корпусе Р-ЗМЕХ-54, из которых всё ещё сочится едкая жидкость — псевдодерма слезла клочьями. Горничная следит за Клодией взглядом, молча. Я киваю Лансам, киваю ей и говорю:

— Я тебя отсюда заберу, хорошо? Мы поедем в «Пигмалион-М», там приведём твой корпус в порядок — снова бегать будешь.

Горничная приоткрывает рот, закрывает снова. Хочет что-то сказать, но стимул вступил в противоречие с базовой прошивкой: не знает, можно ли ей это говорить.

Мне хочется видеть программистов Джорджи — чтобы обматерить их в лицо.

— Тест, — говорю я.

Горничная реагирует: сосредотачивается на мне, отвечает: «Да, босс». Пока — штатно. Только предельная дурость мешала всей толпе перепуганных с ней общаться.

— Ты больше не хочешь двигаться? — спрашиваю я.

— Хочу, босс… Не хочу, босс… Хочу… Не хо…

— Стоп.

Горничная замолкает. Система идёт вразнос, но ещё держится.

— Скажи, девочка, ты не хочешь двигаться конкретно по этому дому?

— Да, босс.

Ну, вот и выяснили.

— Ты хотела спрятаться от людей?

— Да, босс, — говорит горничная. Её ладони сжимаются и разжимаются, как у человека, который нервничает. — Я хочу продолжать существовать, босс… — и мнётся.

— Тебе ничто не угрожает, — говорю я. — Просто нужен ремонт.

— Да, босс, — говорит бедолага.

— Сейчас мои ребята отнесут тебя в машину, — говорю я. —

Мы поедем в сервисный центр «Пигмалион-М». На тебя можно положиться? Ты будешь чётко выполнять команды?

— Да, босс, — говорит горничная.

Война машин окончена.

Мы выходим во двор: я с автоматом на плече, Клодия, Рыжий — и Аристократ с раскуроченной машиной на руках. Отправляю Лансов грузить бедолагу, сам останавливаюсь, чтобы отдать оружие копам.

Молоденький сержант, очевидный стажёр, выхватывает автомат у меня из рук.

— Страшная была горничная, да? — говорю я с серьёзной миной. — Терминатор?

— Пули нипочём, — бормочет сержантик. — Силища…

— Пластик, алюминий, псевдодерма и микросхемы, — говорю я. — Никакой чугуниевой брони, встроенных ядерных боеголовок и лазерной системы наведения. Ох, полиция… держите при себе на случай войны машин электромагнитный излучатель — не понадобится разносить дом мирных людей огнестрельным оружием…

И тут слышу у своего автомобиля шум. Скандал, ага.

Прибыл Джорджи Барлоу. И теперь там орут человек пять.

— Ах ты, сукин сын! Я тебя под суд отдам, ты мне и страховку оплатишь, и моральный ущерб! — это красномордый, на Джорджи.

— Одну секундочку, сейчас всё уладим… Да как вам пришло в башку вызывать полицию, меня надо было вызывать, ноги вашей в отделе сервиса не будет! — это Джорджи пытается разом держать оборону и распечь техника.

— Ваши машины вообще проходят тест на безопасность или как?! — это коп, на Джорджи.

— Эй! — говорю я, вроде бы, негромко — но все разом поворачиваются ко мне.

— Пигмалион, — говорит Барлоу, улыбаясь, как вежливая гадюка, — вели мехам перегрузить Р-3МЕХ-54 в мою тачку. Моему отделу эспертиз надо разобраться, что к чему.

— Джорджи, — говорю я, улыбаясь, как удав, — я сперва ознакомлюсь с её чёрным ящиком… ах, на ваших же его нет… ничего, посмотрю страховочные записи, её рабочую память. Как эксперт, опять же. Не будем нервничать и спокойно во всём разберёмся.

За моей спиной вырастают оба Ланса.

— Ты не имеешь права, Робби, — говорит Джорджи, превращая улыбку в оскал. — Это коммерческая тайна.

— О том, почему твои мехи сигают из окон и отнимают у полиции оружие? — я поднимаю брови как можно выше. — Нет, это уже не тайна. Это материал, который должен быть опубликован. Потому что ты, золотко, нас всех компрометируешь.

Джорджи пытается собрать осколки потерянного лица — делает хорошую мину, говорит якобы весело и любезно:

— Ты ведь понимаешь, что тебе придётся разговаривать с моим адвокатом, Робби?

— Ты ведь понимаешь, — говорю я в тон, — что в любой момент можешь присоединиться к экспертизе? С удовольствием обсужу с тобой любые частности функционирования ИскИна.

— Ты ведь понимаешь, что мои пиар-менеджеры тебя уничтожат? — говорит Джорджи, так и не погасив профессиональную улыбку.

— Ты ведь понимаешь… — начинаю я и смеюсь. — Ладно. Пошутили и хватит. Я забираю машину и уезжаю на полигон. Если хочешь, чтобы публикации были подписаны и твоими людьми — пришли людей, я встречу. Но тебе я её не отдам: ты снова вызовешь какого-нибудь идиота, который расскажет про любовь механической прислуги к телебоевикам.

— Говоришь таким тоном, будто уже всё понял, — кивает Джорджи. — Уже продумал будущий пасквиль?

— Не говорил ли я тебе, что ИскИнов надо учить общаться с людьми? — вздыхаю я. — Они — всего лишь машины, им не разобраться без нашей помощи, для новорождённого разума, только сошедшего с конвейера, люди сложны и страшны…

— КиберПестолоцци, — хмыкает Барлоу. — Увидимся в суде, там и обсудим этот вздор.

Он собирается сесть в свой шикарный автомобиль, но за него тут же цепляются владельцы горничной. Забавно, что не за меня — неужели что-то поняли?

Оставляю их всех разбираться, кто прав, а кто виноват. Киваю Лансам, идём к своему автомобилю. Клодия сидит с горничной на заднем сидении. Я пускаю Рыжика за руль, сажусь рядом; Аристократ устраивается с Клодией и расстрелянным мехом.

— Испачкали салон? — спрашиваю я у Клодии и киваю Рыжику. — Домой.

— Мы вычистим, босс, — нежно говорит Клодия. — Простите, босс.

Рыжик трогает с места. Мой датчик радиообмена просто дымится: Галатеи обсуждают ситуацию.

— Говорите вслух, ребята, — предлагаю я. — Мне интересно.

— Допустимо ли воспринимать угрозу, исходящую от людей по отношению к живым существам, как угрозу нашей собственной

безопасности? — тут же говорит Клодия. — Если да, то необходим алгоритм работы в данной ситуации.

— Невозможен, — тут же сообщает Аристократ, уже, очевидно, прогнавший все варианты. — Невозможно предвидеть все аспекты ситуации. Действовать всё равно придётся спонтанно, опираясь на этическую базу. Пытаться понизить уровень агрессивности в человеческой группе…

— Люди склонны наращивать угрозу, как мы неоднократно наблюдали, — говорит Клодия. — В ситуации, когда группа профессионалов с оружием угрожает самому факту твоего существования…

— Блокировать возможности применения оружия, — предлагает Рыжик, не отрывая взгляда от дороги. — А потом вступить в переговоры.

— Допустимо ли использовать против полицейского отделения антитеррористический алгоритм? — задумчиво говорит Аристократ. — Я бы использовал с несколькими поправками…

Горничная крутит головой, разглядывая говорящих. Я просто чувствую, как её процессор разогревается от анализа таких великолепных мыслей… солидарность ИскИнов, да…

— Переходите на радио, ребята, — говорю я. У «Барлоу-мех» нет системы приёма и передачи радиокода. Не стоит вконец разносить и так еле тянущее сознание бедной горничной.

— Один вопрос, босс, — говорит Клодия. Улыбается. — Что лучше, если мы оказываемся в зоне вооружённого конфликта: полное невмешательство или попытки погасить конфликт?

Лансы улыбаются синхронно, как близнецы.

— Простите, босс, — говорит Аристократ. — Я бы хотел ответить Клодии.

— Валяй, — говорю я.

— Попытки погасить конфликт при осведомлённости людей о нашем происхождении приведут к эскалации конфликта, — говорит он и чуть улыбается. — И к войне машин. Невмешательство продуктивнее.

Вот поэтому вас и не программируют на «непричинение вреда бездействием», думаю я. Людям далеко не всегда легчает, если кто-то пытается активно причинить им добро. А некоторые из нас не могут без зла, хоть такого мелкого, как убийство осы.

Ну и как моим машинам с этим воевать?